

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ОБМЕН

ИСТОРИЯ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ

ГЛАВА 7. ПРОРЫВ ВАСКО ДА ГАМЫ

Васко да Гама, благородный человек из числа ваших подданных, прибыл в мою страну, где был мною принят. Моя страна богата корицей, гвоздикой, перцем, имбирем и драгоценными камнями. В обмен на эти товары я хотел бы от вас золота, серебра, кораллов и алых тканей.

Письмо заморина¹ Каликута королю Португалии, 1498 год

В этом [1503] году корабли франков появились на морском пути в Индию, Ормуз и другие края. Они захватили около семи кораблей, убили тех, кто был на борту, но некоторых пленили. Таков был их первый поступок, и пусть бог их накажет.

Омар аль-Таиб Ба Факих, йеменский историк

Где-то приблизительно в 1440 году венецианский купец Николо де Конти отправился в Рим просить аудиенции у папы Евгения IV. Во время поездки на Восток он совершил тяжкий грех — когда его вместе со всей семьей захватили мусульмане и грозили убить, он принял ислам. Вскоре жена и двое детей умерли от чумы, а невольный отступник отправился в Ватикан молить об отпущении грехов.

Купцу повезло — святой отец испытывал слабость к напиткам с корицей. Не слышал ли купец в своих странствиях, где ее добывают? Конечно, слышал. Отпущение даровано! По возвращении домой де Конти должен подробно продиктовать свои наблюдения папскому секретарю, знаменитому блистательному писателю-гуманисту Джанфренческо Поджо Браччолини.

Рассказ де Конти прекрасно совпадал с повествованием Марко Поло, а кое в чем и превосходил его, и папа счел купца человеком образованным и умным. К примеру, де Конти более точно указал расстояния и время в пути, чем его прославленный земляк столетием раньше. Да, он видел те коричные деревья Шри-Ланки, о которых рассказывал восхищенному секретарю. Более того, он видел на Суматре поля, где растут перец и камфора. Затем он плыл на восток целый месяц, пока ветер не стих совсем, и добрался до острова

¹ Заморин — титул правителя Каликута, государства на юге Индии.

Сандай, где растут мускат и мацис, а потом до острова Банбан, заросшего гвоздичными деревьями. Можно себе представить, как обрадовался секретарь — похоже, венецианец обнаружил легендарные Острова Пряностей.

Был ли де Конти первым европейцем, добравшимся до этих сказочных берегов? Почти наверняка нет. Представьте себя на месте средневекового европейского купца, который получил доступ к безграничным запасам самого дорогого в мире товара. Вряд ли вы первым делом станете рассказывать о дороге туда, если вы вообще расскажете.

* * *

Хотя в основу крестовых походов ставились некоммерческие цели (если не говорить о венецианцах и генуэзцах), но скоро христиане осознали, что торговля пряностями, которой заправляли мусульмане, может стать золотым дном. Во время похода на Святую землю крестоносцы перегородили караванные пути между Египтом и Сирией вереницей крепостей, протянувшейся от Средиземного моря до северо-восточного края Акабского залива Красного моря. В 1183 году в самом Красном море Рено де Шатийон предпринял ряд морских набегов на арабов. Исламский мир забеспокоился, что неверные могут пройти через этот морской коридор, который прежде считался исключительно мусульманским владением. Египтяне собрали силы и отогнали Рено де Шатийона на север.

В 1249 году события при Думьате, в дельте Нила, показали, какое значение торговля пряностями имела для мусульман.

В этом году силы крестоносцев захватили город, и так страшна была эта потеря для Египта Айюбидов, что взамен христианам предложили Иерусалим. Но предложение отклонили. Когда дело касалось торговли пряностями, мусульмане и христиане при выборе между богом и мамонной равно предпочитали мамону.

В XV—XVI веках перед европейцами на Востоке появилась еще одна задача — отыскать в Азии союзника против сарацинов. Две эти цели — поиск пряностей и союзника в войне за Крест Господень — неразделимо слились в сознании первых иберийских исследователей. Их мотивы не понять, если не вспомнить странную историю о мифическом пресвитере Иоанне.

Хотя это имя звучало на устах миллионов, кроме имени об этом человеке знали немного. Особенно загадочным представлялось нахождение его царства — знали только, что оно где-то «в Индиях». В Средние века это могло означать Египет, или Японию, или что-то между ними. До сих пор медиевисты спорят, когда, где и как появился на свет этот загадочный образ. К XII веку в руках крестоносцев оказалась почти вся Святая земля, но ее окружали яростные армии мусульман, и приходилось хвататься за любую соломинку. В 1141 году Елюй Даши — монгольский вожь, независимый в религиозном смысле кочевник — разгромил у Самарканда мусульманскую

армию. Поскольку этот город находился далеко за горизонтом европейских представлений о географии, неудивительно, что новости о победе над мусульманами, достигнув европейских ушей, безнадежно исказились: христианский царь прибыл из Индий и покорил неверных. Скоро он нападет на них с востока и спасет от угрозы аванпост христианства в Святой земле.

Три года спустя, в 1144 году, впервые с начала крестовых походов перед мусульманами пало крупное христианское государство, Эдесса (оно находилось там, где сейчас проходит граница между Турцией и Сирией). Победители перерезали христиан Эдессы, и западный мир содрогнулся. Французский епископ по имени Гуго из прибрежного города Джебла, который теперь находится в Сирии, поспешил в Европу за помощью с нехитрым посланием. Да, пресвитер Иоанн действительно существует, и он уже нападает на сарацинов. К несчастью, он не смог перейти реку Тигр — против его ожиданий, река не замерзла, а лодки не готовы. Согласно епископу Гуго, «он прямой потомок волхвов... Он собирался в Иерусалим, но ему помешали». Послание Гуго европейским братьям говорило совершенно определенно, что спасительный пресвитер Иоанн не в пути. Присылайте помощь, и побыстрее.

Спустя несколько лет после падения Эдессы византийскому императору Мануилу Комнину из неведомых краев пришло письмо, как считалось написанное пресвитером Иоанном. В нем говорилось о богатстве и размерах царства Иоанна и о доблести его жителей: «Я, пресвитер Иоанн, верховный правитель, имею в достатке богатства и доблести и повелеваю всеми созданиями, живущими под небом. 72 царства приносят мне дань». Но больше всего похвалялся пресвитер знатностью своей прислуги:

Каждый месяц мне за столом прислуживает семеро царей, каждый в свой черед, 62 герцога и 365 графов, не считая тех, кто оказывает нам прочие услуги. Каждый день в нашем зале обедает 20 архиепископов по правую руку от нас и 20 епископов по левую руку... Если можете вы счесть звезды на небе и песчинки в море, сможете судить и о изобилии нашего царства и численности нашей силы.

Естественно, письмо было фальшивкой, судя по стилю и содержанию, наверняка составленной европейцем, личность и мотивы которого остались неизвестны. В последующие 400 лет западных правителей и изыскателей влекли два священных грааля: пресвитер Иоанн, который избавит их от сарацинов, и пряности, которые сделают их богатства несметными.

* * *

Пока мусульмане курсировали по главным торговым путям через Индийский океан, Красное море и Персидский залив, европейцы только и думали, как бы найти свой путь на восточные рынки. Среди азиатских

государств самую оживленную торговлю с Западом вели Аден, Ормуз, Камбей, Каликут, Ачех и Малакка (расположенные, соответственно, в современных Йемене, Иране, Индии, Индонезии и на Суматре). Ни одно из этих государств не имело флота, пригодного для дальних плаваний. Зато их торговля была отлично поставлена, что и позволяло им обогащаться. Слишком продажные таможенники? Правитель требует слишком много подарков? Или наоборот, берет слишком низкий налог, чтобы оплачивать борьбу с пиратами? Слишком ограничивают самостоятельность иностранных торговцев, так что они не могут вести собственные дела? Купец не мог запросто решить эти проблемы, отправившись в другой, более дружественный порт. Не обходилось и без продажности, и без жестокости — это же как-никак средневековая Азия. Оставалось только сдерживать досаду.

Тысячелетием раньше, когда по всем морям рыскали пираты, в Индийском океане, в отличие от Средиземного моря, никто не трогал крупные торговые суда, которые могли дать отпор. Привыкшие к безопасности в море, корабли азиатских стран ходили почти невооруженными — это позволяло брать больше груза и меньше людей для охраны. Так что пушечный выстрел с палубы азиатского торгового корабля мог скорее погубить сам корабль, чем потопить цель.

До прихода европейцев азиатская торговля вовсе не была раем. Но если заплатить пошлину, прибегнуть к подаркам для местного султана и уберечься от пиратов в заливе, то Индийский океан более-менее мог считаться *mare liberum*, свободным морем. Мысль о том, что какое-нибудь государство может взять под контроль все морские пути, казалась смехотворной как для купцов, так и для правителей. И вся эта система рухнула в тот злосчастный день 1498 года, когда вооруженный до зубов Васко да Гама вошел в гавань Каликута.

* * *

В конце XV столетия европейцы могли попасть в Индийский океан только тремя способами: прямо через Суэц и Персидский залив, вокруг южной оконечности Африки или через западный неизведанный путь. Первыми из известных нам европейцев один из этих маршрутов опробовали два брата-генуэзца, Вадино и Уголино Вивальди. В 1291 году всего через несколько месяцев после того, как их соотечественник Дзаккария отбил у мавров Гибралтар, они отправились в открытую Атлантику на поиски Индии. Больше о них ничего не известно. Историки так и не знают, собирались они обогнуть Африку или направлялись вокруг света. Как бы там ни было, эта экспедиция долго сдерживала итальянцев, которые годами тщетно ждали их возвращения. Говорят, тайна братьев Вивальди сподвигла Данте на рассказ Улисса о том, как он плыл мимо Геркулесовых Столпов.

Не случайно в Атлантику на поиски Индии первыми вышли именно генуэзцы. Проиграв венецианцам битву за торговлю пряностями, генуэзцы направили свои силы на перевозку по Средиземному и Черному морям более

дешевых товаров: минералов, таких как соль и квасцы, леса, продуктов сельского хозяйства и, конечно, рабов. Для перевозки грузов парусные суда с круглым корпусом подходили лучше всего. И именно такие суда лучше всего годились для дальних плаваний первооткрывателей.

Даже приезжий, случайно оказавшийся в Генуе, заметит, что город почти отрезан от материка неприступными прибрежными горами. В ту эпоху, когда железных дорог и асфальта еще не было, почти любой товар попадал в город и покидал его по морю. Вместо телег, запряженных лошадьми или мулами, местные торговцы и производители держали маленькие суденышки под треугольным парусом, чтобы ходить на них за продуктами и товарами. Нигде сухопутный житель не превращался в моряка так легко, как в Генуе.

К XV веку слава торговой империи уже покидала Геную и восходила над Португалией, западным ломтиком Иберийского полуострова, где, по словам историка Джона Г. Плама, «жизнь отчаянно дешева, смерть отчаянно реальна, а бедность так велика, что богатство и роскошь дразнят воображение, разжигают безумную жажду обладания». Именно португальцы разработают такие технологии, которые позволят европейцам попасть в Индийский океан. В эту брешь устремится жадный волк Запада, и скоро в Лиссабон со всех стран хлынет голодная талантливая и грубая молодежь, которая и станет авангардом в этом наступлении.

Португальцы изгнали мавров еще в середине XIII века, на двести с лишним лет раньше, чем это сделали испанцы. После яростной борьбы за престол и против испанского вторжения в конце XIV века страна смогла объединиться и в 1385 году, с восшествием на трон Жуана Ависского (короля Жуана I) и его невесты-англичанки Филиппы, достигла независимости. Счастливый брак принес плоды: союз Англии с Португалией — самый долговечный в истории союз между государствами — и пятерых смысленных и доблестных сыновей.

Для мирной жизни Португалия оказалась не приспособлена, так что в 1415 году королевская чета отправила троих своих отпрысков отвоевывать у мавров портовый город Сеуту, расположенный на другом берегу Гибралтарского пролива. Филиппа сама придумала устроить это нападение как подготовку к кампании против мусульман и прорыву в Индийский океан — конечный пункт португальского караванного пути через Сахару к Индиям. А то что Сеута была еще и конечным пунктом караванных путей для перевозки золота и рабов из глубины Африки, рассматривалось как бонус. Тем больший ущерб будет нанесен ненавистным маврам, если город будет захвачен.

Когда младший из сыновей, инфант дом Энрике, увидел пустыню, простирившуюся за Сеутой, он сразу понял, что мамин план — затея пустая. И хотя Энрике принимал участие в последующих походах в Северную Африку, вернувшись в Португалию, он стал губернатором южной провинции Алгарве и посвятил себя поиску южного пути вокруг Африки.

Прошло почти две тысячи лет, как умер Птолемей, провозгласивший, что Африка простирается до самой Антарктиды и обогнуть ее невозможно. Это утверждение все еще считалось верным, но Энрике считал иначе. Сидя в своем замке, на мысе Санвинсент, продуваемом всеми ветрами юго-западном краешке Европы, Энрике, который позже вошел в историю как принц Генрих Мореплаватель, превратился в величайшего в Европе покровителя мореходства. Со своего парапета он наблюдал, как самые первые иберийские исследователи отплывают к западному побережью Африки, как отбывают колонисты на Азорские острова — самую западную на то время землю, лежащую всего в 1200 милях от Ньюфаундленда. Принц оказывал поддержку картографам любой национальности и собрал величайшую в мире коллекцию морских карт.

В то время португальские моряки, при поддержке принца, разработали новый тип корабля с круглым корпусом, с латинской парусной оснасткой — каравеллу. Этот корабль позволял идти круче к ветру, чем любое другое европейское судно. Без каравеллы португальцы не смогли бы спуститься вдоль африканского побережья и добраться до Индии.

Прежде чем браться за главную задачу — обход вокруг Африки, — каравеллы послужили целям более близким. Они увеличили скорость доставки и объем грузов, которые португальские купцы везли туда, где их можно было поменять на главные товары Африки — золото и рабов. Прежде всего — в мусульманские порты Северной Африки, у которых кончались караванные пути через Сахару. Португальцы еще не могли добраться до источников африканского золота, до мест, где сейчас находятся Мали и верховья рек Нигер и Вольта. Но они проникали уже далеко в глубь континента, в такие торговые города, как сказочный Тимбукту, где золото покупалось дешево, потом его везли вниз по рекам и ожидали, когда за ним придут каравеллы.

К 1460 году, в котором скончался принц Энрике, суда под его патронажем доходили уже до побережья экваториальной Африки, но южного пути в Индийский океан еще не нашли. Многие усомнились в том, что можно осуществить мечту Энрике — попасть на Восток, обогнув Африку с юга. При дворе стало модным говорить о другом плане, о переходе на Восток через Африку. В 1486 году в стране, которая сейчас называется Нигерией, торговцы услышали странную историю о сказочно богатом правителе по имени Огане, царство которого начинается в двадцати лунах пути (около 1000 миль) от берега на восток. Этот царь всегда прячется за шелковыми завесами, на приемах можно увидеть только одну его стопу, выступающую из-под ткани — совсем как пресвитер Иоанн, который никогда не показывал лица. Больше трех веков прошло с тех пор, как византийский император Эмануил Комнин получил хвастливое фальшивое письмо, подписанное мифическим царем. Португальцы же, показывая полное пренебрежение к законам биологии, объявили, что нашли наконец пресвитера. Они снова

решили проложить дорогу сквозь Африку.

Король Жуан II снарядил двоих самых способных своих помощников, которых звали Перу да Ковильян и Афонсу де Паива, в Абиссинию, где, как рассчитали королевские географы, находилось царство Огане или пресвитера Иоанна. Им следовало договориться с правителем о монополии на торговлю пряностями. Под видом купцов оба посланника отплыли по Средиземному морю в Египет. Там они разделились. Паива направился в Абиссинию, а Ковильян — в Индию. Они договорились встретиться через три года в Каире.

Через несколько лет Паива вернулся в Каир из неведомых стран и вскоре скончался от болезни. За это время он ни с кем не сумел связаться. Где он был, какие земли открыл — по сей день остается тайной. Ковильян, исходивший вдоль и поперек все Малабарское побережье, тоже вернулся в Каир. Узнав о смерти Паивы, он решил возвращаться домой один, но возвращение пришлось отложить. Его ожидали двое португальских евреев, посланники Жуана II. Ковильяну объяснили, как важно королю договориться с пресвитером Иоанном, и неважно, кто этот договор заключит, Паива или Ковильян. Что ж, пришлось Ковильяну самому отправляться в Абиссинию.

Ему тоже не суждено было вернуться домой. Обрив голову и выдавая себя за мусульманина, он стал одним из немногих европейцев, посетивших Мекку. Затем в 1493 году он добрался до Абиссинии, где наладил торговые отношения Португалии с местным правителем, царем Александром. Через год царь умер, а его брату, занявшему трон, так понравился необычный европейский посол, что он держал его как знатного пленника. Ковильян спокойно прожил при дворе африканского правителя несколько десятков лет и умер, окруженный большим почетом и многочисленными женами, но не нашел не малейшего следа пресвитера Иоанна, мысль о котором будоражила умы европейских монархов и исследователей.

До прибытия в Абиссинию и позже Ковильян отправлял к португальскому престолу письма с бесценными сведениями об Индии, о сделках индусских и мусульманских торговцев, о ветрах и течениях, о ценах на товары. Он ходил вдоль восточного побережья Африки и узнал от местных моряков, что Африку в самом деле можно обогнуть. В Португалии письмо с этими сведениями было передано Бартоломеу Диашу, который в 1487 году решил попытаться выйти в Индийский океан:

Если двигаться к югу, материк должен закончиться. Когда корабли выйдут в Индийский океан, пусть держат курс на Софалу и остров Луны. Там вы найдете лоцманов, которые доведут вас до Индии.

К тому моменту Диаш уже сумел обогнуть мыс Доброй Надежды, поэтому другим португальским исследователям бесценные разведанные Ковильяна, наверное, просто не показали.

* * *

В 1451 году, примерно в то же время, когда престарелый принц Энрике отправил на юг последнюю свою экспедицию, в Генуе, в семье ткача, родился сын, которого история запомнит под именем Христофора Колумба. Наверное, юношу вдохновляли морские походы Генуи. Скорее всего, свое первое торговое путешествие он проделал в Эгейское море, на остров Хиос, где картель семейства Джустиниани контролировал производство мастиковой смолы. Жевательную смолу можно было выпускать только в дюжине городов южной части Хиоса. Из-за большой редкости ей приписывали целебные свойства, и монопольная торговля приносила хорошую прибыль.

К 1474 году, когда Колумб впервые съездил на Хиос, генуэзцев и венецианцев с Эгейских островов постепенно вытесняли турки-османы, за 20 лет до этого взявшие Константинополь. Генуэзцы искали счастья уже не на востоке, а на западе, и Колумб не стал исключением. Через год или два способный юноша стал матросом когда — средних размеров торгового судна с круглым корпусом, — возившего под охраной груз мастики в Лиссабон. У южного побережья Португалии на конвой напали бургундские пираты. Но разбойники жестоко просчитались. Взяв на abordаж генуэзские суда, они встретили яростное сопротивление. Разгорелся бой, с каждой стороны погибли сотни человек, сраженные мечом и поглощенные морем. Одна из версий этой истории, среди многих легенд вокруг имени Колумба, рассказывает, что молодой матрос, доблестно сражаясь в духе Индианы Джонса, покинул тонущий корабль и проплыл несколько миль до португальского берега, где его подобрала и вылечила в генуэзской колонии Лагуша, в Алгарве.

Потом он оказался в Лиссабоне, среди обширной генуэзской торговой диаспоры. Лучшей среды для подготовки к морским подвигам не найти! В лабиринте улиц Лиссабона, где смешивались языки, на которых говорили уроженцы разных стран, от Исландии до Гвинеи, и плыли запахи гвоздики, корицы и мирры, и водились знатоки, способные по этому запаху проведать, в каком порту пряности загружены на борт, — в этой среде можно было встретить кого угодно, от датского матроса до сенегальского принца.

Тем временем младший брат Колумба Бартоломе уже успел устроиться в Лиссабоне картографом, и целых десять лет Колумб учился у Бартоломе составлению карт и премудростям морского дела на португальских судах. За это время он ходил в море так далеко, как ни один моряк тех лет: на юг до африканского Золотого Берега (в современную Гану), на запад до Азорских островов, на север до Ирландии, а может быть и до Исландии.^{272} Это очень необычно для средневекового матроса, нанятого за деньги, как для западного, так и для восточного. Почти наверняка Колумб возил, покупал и продавал свои товары.

Около 1480 года случились события, превратившие молодого моряка,

картографа и торговца в легендарную фигуру. Как подобает всякому приличному торговцу, он счастливо женился. Жена, которую звали Филипа Перештрелу Мониш, происходила из преуспевающей семьи лиссабонских купцов, владевшей островом неподалеку от Мадейры, заселенном по указанию принца Генриха. Сам же Колумб уже знал латынь и португальский, освоил кастильский, математику, кораблестроение и астрономию. До того как приехать в Португалию, Колумб уже имел прочные связи с крупнейшими торговыми объединениями купцов Генуи, а брак с Филипой и богатый морской и торговый опыт открывали ему путь к королевскому двору.

В 1481 году умер Афонсу V, правивший более полувека. Трон наследовал его сын, дон Жуан II, внук Жуана I, протезе великого деда Энрике, и конечно, горячий поборник исследований Атлантики и Африки. Где-то около 1484 года Колумб вернулся из экваториальной Африки и представил новому королю ценный проект.

Как случается со многими знаменитостями, сведения о которых неполны, биография Колумба обросла многочисленными легендами, апокрифами и домыслами. Особенно известна история о том, как королева Изабелла заложила свои драгоценности, чтобы оплатить путешествие Колумба, а также история с яйцом. Но ни одна из историй про Колумба не считается такой культовой, как его первенство в предположении о том, что земля круглая. Этот миф используется, чтобы объяснить, почему его план так долго отвергали разные европейские правители.

В Средние века ни один образованный человек не считал, будто земля плоская. Еще в 205 году до н. э. Эратосфен, грек из Александрии, высчитал, что земля имеет форму сферы, и даже вычислил ее размер с точностью, которую не могли превзойти почти две тысячи лет. Колумб даже не был первым, кто предложил добраться до Индии, отправившись на запад. Впервые трансатлантический путь в Индию был предложен еще в I веке н. э. греческим географом Страбоном, а может быть, еще раньше, Аристотелем. Некоторые историки считают, что братья Вивальди отправились на запад искать Острова Пряностей, руководствуясь советами Страбона. К концу XV века даже закоснелому Афонсу V стало понятно, что мечта дедушки Энрике о пути в Индию вокруг Африки может оказаться не самым лучшим решением.

Афонсу даже советовался со священником кафедрального собора Лиссабона о возможности пройти в Индию западным путем. Священник, в свою очередь, переадресовал вопрос известному флорентийскому врачу и картографу Паоло даль Поццо Тосканелли, который ответил из Флоренции, что да, от Лиссабона до Китая всего около пяти тысяч миль. Конечно, он ошибся, сильно недооценив расстояние.

При такой точности Колумб мог решить, что вычислить длину западного пути невозможно, но мы знаем, что он все-таки связался с Тосканелли, который написал, что одобряет намерение собрата-итальянца

добраться туда, где растут пряности. Позже Колумб использовал это письменное одобрение, чтобы добиться финансирования своего предприятия.

Как многие люди, одержимые одной идеей, Колумб чуть ли не каждый свой шаг посвятил ее достижению. Пригодность западного пути зависела от того, насколько он короткий. Хотя расстояние от Европы до Азии напрямую, конечно же, измерить не удавалось, его можно приблизительно оценить, зная окружность Земли. Например, сегодня известно, что расстояние на восток от Лиссабона до Малакки по прямой составляет приблизительно 7000 миль. Поскольку окружность Земли равна 25 000 миль, значит, расстояние на запад (по крайней мере по экватору) будет примерно 18 000 миль.

К несчастью для Колумба, географы уже сделали вычисления, из которых однозначно следовало, что расстояние слишком велико, чтобы человек мог пересечь его по морю и остаться в живых. К примеру, Птолемей посчитал, что Евразия тянется примерно на половину земного шара, так что западный путь должен составлять столько же, то есть 12 500 миль. Расчет оказался точным. Если бы путь не загромождала Америка, то от Лиссабона до Китая было бы около 12 000 миль, да еще 4000 миль до Индии. Даже при хорошей скорости в четыре узла плавание до Китая заняло бы четыре месяца. Ни один корабль не мог уместить запасов еды и воды на такое долгое путешествие. А еще нужно вспомнить, что задолго до того, как кончались запасы еды и воды, команда начинала страдать от цинги. Не встретив Колумб на своем пути Америку, он пропал бы со всеми людьми, как братья Вивальди.

Увидев такие неутешительные расчеты, Колумб повел себя как все истинно верующие, от апостола Павла до Джорджа Буша младшего, заявив: «Вздор!» Но подогнал результат вычислений он очень умело, взяв меньшую из предлагаемых длин земной окружности (17 000 миль) и самую большую из предложенных протяженность Евразии. При этом он ссылаясь на Марко Поло, который считал, что Чипангу (Япония) лежит в тысяче миль к востоку от Китая. Таким образом, Колумб пересчитал расстояние от Португалии до Японии, и вышло, что золотые крыши Чипангу должны быть почти видны на западном горизонте от отправной точки экспедиции — Азорских островов, расположенных почти в тысяче миль от Лиссабона на юго-восток.

Что же сподвигло Колумба отправиться навстречу великому и неизведанному, за западный горизонт? Искал ли он новые земли или более быстрый путь в Китай, Индию и Японию? Быть может, им двигала жажда золота и пряностей? Или же ему хотелось почестей и уважения, что бывает свойственно людям больших способностей, но скромного происхождения? А может, он хотел спасти души дикарей? Сотни лет спорят ученые, обсуждая документы и пометки, оставленные Колумбом, и, наверное, истины так никто и не узнает. Он жаловался тем, кого перевозил на корабле в последующие экспедиции, что у него были свои причины, но «ни одной из них не осталось, кроме веры в то, что золото и пряности можно грести полными лопатами, а

они все не закончатся, потому что золото залегают в рудниках, а пряности растут на деревьях, и никто там золото не копает и пряности не собирает».

* * *

Колумб, используя новые связи при дворе, принялся «подзуживать» Хуана II. Вначале монарх благосклонно отнесся к предложениям молодого генуэзца. В этих обстоятельствах он повел себя как просвещенный правитель — он представил идеи Колумба комиссии ученых астрономов, математиков, географов и математическому обществу (Junta dos Mathematicos). Записи их прений не сохранились, однако расстояние от Португалии до Японии, рассчитанное Колумбом, они нашли смехотворным.

Хуже того, проект сопровождался требованиями: королевское поручительство за проект, использование королевских кораблей, наследный титул и целый ряд привилегий в торговле с Индиями. В свете этих требований шансов на одобрение у Колумба почти не оставалось, и несмотря на то, что Колумб приходился зятем одному из самых богатых купцов королевства, заручиться поддержкой португальского престола он не смог.

Не получив финансирования от Хуана II, Колумб в 1484 году ретировался в Кордову. Там он представил свой проект Изабелле и Фердинанду, всего 16 лет назад объединивших Арагон и Кастилию в королевство, которое со временем превратится в современную Испанию. При испанском дворе произошли события, почти в точности повторившие то, что было перед этим в Лиссабоне. Колумб, происходивший из той же этнической ветви, что и испанская королева, вначале произвел при дворе благоприятное впечатление, но вскоре столкнулся с еще более твердолобой комиссией экспертов, на сей раз собранной духовником королевы, Эрнандо де Талаверой. Но еще прежде чем комиссия вынесла решение, Фердинанд и Изабелла лишили Колумба скромного жалования, и он вернулся в Португалию.

Пока он собирался с силами в Лиссабоне, удача повернулась к нему лицом, хоть это и не сразу стало ясно. Он своими глазами увидел, как крошечные суденышки, на которых Бартоломеу Диаш в 1488 году обогнул мыс Доброй Надежды, поднимаются по реке Тежу. Колумб вообразил, что после открытия пути вокруг Африки западный путь Португалии уже не понадобится. Тогда он вернулся в Испанию, где смиренно ждал окончательного решения комиссии Талаверы. В 1490 году судьба нанесла еще один удар. Комиссия доложила королю, что «судить об этих обещаниях и предложениях невозможно, они тщетны, и лучше будет от них отказаться». Колумб отчаянно воззвал к королеве, которая пообещала, что его выслушает еще одна комиссия. И снова предложение отклонили.

В это время Бартоломе Колумб, по всей видимости, ездил в Англию и представлял проект брату королю Генриху VII. Существуют документы, определенно подтверждающие, что в 1490 году Бартоломе прибыл во Францию и был на приеме у Карла VIII. В обоих местах проект отвергли, но

Бартоломе оставался во Франции еще долго после того, как брат вернулся из первой экспедиции.

В начале 1492 года испанский двор известил Колумба, что его присутствие в стране более не желательно. Но затем, едва скиталец скрылся за горизонтом вместе со своим осликом и скромными пожитками, как его настиг посланник и велел вернуться. В последнюю минуту один из самых настойчивых в свите Фердинанда сторонников проекта — Луис де Сантанхель — убедил королеву, что финансирование поиска пути на запад требует совсем небольших вложений и сулит огромные доходы. Затем Сантанхель поручился за все предприятие. Вышло так, что Изабелла действительно предложила в залог свои драгоценности, но Сантанхель уверил ее, что эта жертва не потребуется.

Как и во всяком великом предприятии, потребовались недюжинная мудрость, смелость, дальновидность, внимательность в мелочах и тяжкий труд. Говорят, Колумб лично проверял каждое бревно на всех трех кораблях перед тем, как в 1492 году поднялся на борт. Удача тоже потребовалась. Если король одобрит план, то Колумбу придется вести корабли от португальских Азорских островов, которые он хорошо знал, на запад, где на этой широте его могут погубить неблагоприятные ветра. Но, к счастью, все четыре плавания Колумб совершил от более южных испанских Канарских островов, откуда попутные ветра несли его прямо к Карибам.

Правы оказались и Колумб, и Сантанхель, и Изабелла, хотя предпосылки, из которых они исходили, были неверными. И наоборот, ученые советники королей Португалии, Англии, Франции и Испании, гораздо больше Колумба сведущие в географии, поразились, когда Колумб вернулся из первого, исторического плавания «в Индии». Никто не мог представить, что земли Нового Света, смутные очертания которых маячили перед норвежскими исследователями, а может, и перед другими путешественниками Европы и Азии, теперь лежит перед ними.

Колумб был так одержим надеждой открыть западный путь, что он не взял в путешествие специалистов, как позже делали более опытные конкистадоры. Переводчики с арабского языка подсказали бы ему, что индейцы, которых он захватил на Карибских островах и привез в Испанию, — определенно не жители Индии. Ювелиры подтвердили бы, что массивные желтые куски, которые он принял за золото, были на самом деле пиритом. Аптекари, вроде Томе Пиреша, предупредили бы его, что «корица» и «перец», которые он представил Фердинанду и Изабелле по возвращении, оказались неизвестной корой и перцем чили, которых в Старом Свете никто еще не видел. Да если бы он даже взял с собой всех этих экспертов, он все равно бы им не поверил. Первооткрыватель Нового Света был так упрям, что вплоть до третьего путешествия перед ним не замаячило и тени сомнения в том, что он плывал в Азию.

Открыть Новый Свет! Неудивительно, что маленькому человеку,

жадному до славы сыну ткача, такой подвиг представлялся очень желанным. Он отыскал путь к «легкому» богатству, не менее почетному, чем рента, которую получает аристократ. После того как он вернулся из Нового Света, его положение в обществе стало более высоким. Как писал поэт, драматург и биограф Стефан Цвейг,

всякий, кто не нашел себе дела и места в Европе, всякий, кто разуверился в жизни и не имел достаточно терпения, чтобы переждать: младшие сыновья, праздные офицеры, бастарды, беглецы от правосудия — всяк и каждый хотел в Новый Свет.

Следом за Колумбовыми путешествиями шли геноцид и этнические чистки, непрерывные и беспощадные. Каждый кусочек серебра и золота изымался сперва у индейской элиты, затем из земли. Современные специалисты по экономической истории описывают удивительную корреляцию между экономическим развитием туземных народов, первоначальной плотностью их населения, скоростью распространения болезней среди белых поселенцев и дальнейшим экономическим развитием. В тех краях, где изначально уровень развития был низким, как и плотность населения, а для европейцев климат оказался здоровым — в Новом Свете, Австралии и Новой Зеландии, — белые пришельцы отлично выживали, расселялись и подчиняли или убивали местных жителей. Завоеватели сказочно обогащались. Хотя большая часть богатства появлялась благодаря торговле (например, развитие карибских сахарных плантаций), поселенцы занимались в первую очередь добычей ископаемых и земледелием, а потом уже производством.

Иначе развивались события в странах с большим населением, где среди европейцев быстро распространялись болезни, а среди туземцев были развиты торговля и производство — это почти все побережья Индийского океана. В таких местах европейцам не оставалось надежды прижиться и покорить огромное число хорошо развитых, небедных и отлично организованных местных жителей. Там европейцам оставалось только торговать. Проще говоря, португальцы и голландцы отправили сотни тысяч европейцев на смерть. После семи-восьмимесячного плавания переселенцы высаживались в густонаселенных, болезнетворных низинах Африки, Индии, Шри-Ланки, Малайи и Индонезии. Например, только в XVII веке около 25 000 европейских солдат умерло в тесноте Королевского госпиталя в Гоа от малярии, лихорадки денге, тифа и холеры. Для сравнения, к менее заселенным и гораздо более здоровым нагорьям Мексики и Перу европейцы плыли 5—6 недель, и там ждала их лучшая участь.

* * *

С импортом была связана в этой истории затянувшаяся дуэль двух великих морских держав XV—XVI столетий — Испании и Португалии.

3 августа 1492 года, когда крошечный флот Колумба покинул гавань Палос-де-ла-Фронтера, в этом поединке наметился поворотный момент.

Лучше всего представить себе этих иберийских братьев как любимых отпрысков заботливых родителей — матери-церкви, которую восхищал иберийский экстремизм в вопросах богословия, и отца — римского папы, который вечно мирил ссорившихся детей. Как дети, они черпали уверенность в своей правоте из родительского авторитета, из повелений папы. В то время даже сильнейшие монархи Европы считались вассалами папы и получали короны в обмен на регулярную, весьма значительную дань Ватикану.

Родители тоже играли в любимчиков. Понтифики середины XV века были покорены благочестием дона Энрике и его рвением крестоносца, готового воевать против мавров Северной Африки. Папа Николай V, к примеру, в 1455 году, перед самой смертью, выпустил буллу — *Romanus Pontifex*, которую можно назвать «хартией португальского империализма». Она превозносила Энрике и утверждала его право покорять и обращать в истинную веру всех язычников от Марокко до Индий. Но еще важнее то, что она даровала Португалии монополию на торговлю в землях между Африкой и Индиями.

Затем, в августе 1492 года, всего через 8 дней после отбытия Колумба из Палоса, на папский престол, благодаря усилиям и финансовой поддержке Фердинанда и Изабеллы, взошел испанец под именем Александра VI. В 1493 году, не успели башмаки Колумба высохнуть после первого плавания, Александр издал первую из нескольких булл, дававших Испании право владения всеми землями, открытыми ее подданными. Едва ли не в том же году Александр выпустил еще одну буллу, обозначающую демаркационную линию в сотне лиг (около 350 миль) к западу от островов Зеленого Мыса, земля за которой, как открытая, так и не открытая, принадлежит Фердинанду и Изабелле. Последняя булла простирала амбиции Испании на юг и восток до самой Индии. Это очень рассердило португальцев, потому что в забвение попадали целых три поколения исследователей африканского побережья. Кроме того, эта булла противоречила *Romanus Pontifex* и совершенно не учитывала то, что всего пять лет назад Бартоломеу Диаш обогнул мыс Доброй Надежды.

Жуан II, недовольный продажным испанским папой, решил напрямую выяснить отношения с Фердинандом и Изабеллой. На его счастье, испанские монархи, побаиваясь жестоких португальцев и занятые разделом Нового Света, были готовы на разумный компромисс. 7 июня 1494 года в Тордесильясе был подписан знаменитый договор, прославивший этот город в центральной Испании.

Тордесильясский договор поделил мир на два полушария по меридиану, проведенному в 370 лигах (примерно 1270 миль) к западу от островов Зеленого Мыса. Эта демаркационная линия проходила приблизительно в 45 градусах к западу от Гринвича, относя Азию к

Португалии, а Новый Свет к Испании.

В обычные времена государства проливали кровь и растрачивали казну, платя за мелкие клочки земли. Но эти времена обычными не были. Португалия поставила себе цель, волновавшую европейцев со времен смерти Пророка — выход в Индийский океан. А Испания открыла два новых континента. В это время царило такое воодушевление, что эти два яростных противника могли поделить целую планету с той же легкостью, с какой школьники меняются шариками.

Что же было на уме у собеседников Жуана II в сонном городишке Тордесильясе в тот жаркий летний день? Теперь вся Африка и вся Азия принадлежали Португалии, но в то время, как был подписан договор, только корабли Бартоломеу Диаша сумели войти в южную часть Индийского океана. Могли ли португальцы, едва пережившие Черную смерть, имея едва ли больше миллиона человек населения, всего несколько тысяч моряков и несколько сотен кораблей, пригодных для моря, противостоят крупнейшей и сложнейшей торговой машине? Португальцев было так мало, что часто на самых крупных торговых кораблях несколько европейских офицеров и солдат командовали сотнями азиатских и африканских рабов. Португалия напоминала собаку, напавшую на автомобиль. Эта собака может быть сколь угодно быстрой и злой, может оставить на противнике много царапин от своих клыков, но в конце концов она все равно останется в пыли, на обочине.

Жуан II не нашел бы лучшего исполнителя первого рывка к двум неосуществимым целям — азиатским пряностям и по-прежнему желанному пресвитеру Иоанну. Путешествие Васко да Гамы в 1497—1499 годах стало самым замечательным плаванием того времени. Это путь в 28 000 миль в открытом океане к заветной цели — Индии. Колумбу, несмотря на его похвальбу, такое и не снилось. Кроме того, цель Колумба — Индии — нуждалась в географическом уточнении. Что он имел в виду, Японию, «Катай», саму Индию или царство пресвитера Иоанна?

Да Гама, в отличие от Колумба, прежде чем поднять якорь, собирал подробные сведения. Он определил, что Каликут на Малабарском побережье в юго-западной Индии может считаться самой богатой перевалочной базой на субконтиненте. Юго-западный муссон почти наверняка должен отнести туда корабли, отошедшие от восточных берегов Африки. Свой удивительный мореходный подвиг Васко да Гама дополнил двумя нововведениями.

Ранее в 1488 году Диаш во время знаменитой экспедиции, посланной принцем Энрике, обогнул мыс Доброй Надежды. К югу от экватора ветер сменился на встречный, и продвижение затруднилось. За время странствий да Гамы какой-то неизвестный моряк сумел решить эту проблему. Когда корабли да Гамы подходили к берегам, где сейчас находится Сьерра-Леоне, они повернули вправо, отошли в открытую Атлантику и двинулись на

несколько сот миль на запад. Затем, постепенно смещаясь против часовой стрелки, корабли описали плавный полукруг в тысячи миль так, что смогли плыть под ветром, дувшим им в левый борт. Дуга получилась такой, что флот да Гамы прошел всего в нескольких сотнях миль от Бразилии. Но ширины дуги все равно не хватило, чтобы обогнуть сказочный мыс Доброй Надежды, и ветер принес корабли к южной части западного побережья Африки, к берегам залива Святой Елены.

Долгие 95 дней маленький флот да Гамы не видел земли. Для сравнения, флот Колумба от Канарских островов до Багамских шел 35 дней. Да Гама был таким искусным моряком, что, измеряя по пути широту, на которой находились корабли, он ошибался не более чем на два градуса. И наоборот, Колумб знаменит географическими неточностями. К примеру, он помещал Кубу на 42° севернее, куда-то в район Бостона.

Вскоре, у южных берегов Африки, моряков Васко да Гамы поразила странная болезнь. «Их руки и ноги опухли, а десны вздулись так, что они не могли есть». Пока каравеллы несколько месяцев шли в открытом море, запас витамина С в организмах моряков истощился. Началась цинга. К счастью, к тому времени как болезнь разыгралась, корабли успели подойти к богатым портам Восточной Африки. На обратном пути им повезло меньше.

Хотя да Гама был превосходным моряком, о его талантах торговца этого не скажешь. Чтобы составить представление о восточных рынках, португальцы брали образцы золота, пряностей и слоновой кости. Но они не догадались взять с собой товары, на которые все это можно было бы обменять. Вышло это в результате небрежности или высокомерия, мы уже никогда не узнаем.

Поначалу торговые операции да Гамы в Южной Африке пошли хорошо. Туземцы охотно меняли свои товары на маленькие отрезки европейского льна, который ценился у них высоко. Однако, продвигаясь на север, европейцы столкнулись с влиянием мусульманской торговой империи, и условия рынка радикально изменились. Кожа торговцев стала светлее, они говорили по-арабски. На острове Мозамбик португальцы встретили мусульманского шейха, которому они предложили

...шляпы, марлоты, кораллы и многое другое. Он, однако, был столь горд, что отнесся с презрением ко всему, что мы ему давали, и просил алых одежд, которых у нас не было. Впрочем, все, что у нас было, мы ему давали. Однажды капитан-майор пригласил его на трапезу, где в изобилии подавались фиги и засахаренные фрукты, и попросил его предоставить нам двух лоцманов.

Впервые, но не в последний раз за это путешествие, неказистые европейцы со своими пустяковыми товарами, на маленьких кораблях,

неопытные в плавании по этим водам, не сумели произвести впечатление на правителя, избалованного отлично настроенной мусульманской машиной торговли в Индийском океане. Пришельцев из Европы впечатлили не только азиатские товары, но и морские технологии. Как пишет неизвестный участник этого плавания:

...корабли в этой стране делают удобного размера и хорошо сколоченные. Гвоздей здесь не используют, и доски скрепляют между собой при помощи шнура. Лодки изготавливают так же. Паруса плетут из пальмового волокна. У моряков есть «генуэзские иглы», по которым они узнают курс, квадранты и навигационные карты.

Рычагами этой торговой машины управляла мусульманская купеческая диаспора — персидские купцы. Например, в Момбасе (современная Кения) португальцы видели, «что в городе живут христиане и мавры, что у христиан свои господа». Поначалу оба султана и обе колонии оказали гостеприимство португальцам, которые держались вежливо и осторожно. Все ожидали больших прибылей от новой торговли. Вскоре местные купцы прознали, как интересуется пришельцев пресвитер Иоанн. Какое-то время им потакали — великий христианский правитель все время оставался где-то за горизонтом, в следующем государстве, может быть, в следующем порту. А люди да Гамы считали, что всякий, кто явно не мусульманин, должен быть христианином:

Эти индийцы были смуглы. Одежды на них было не много, зато бороды и волосы длинные и заплетены. Они рассказали нам, что не едят говядины. Их язык отличен от арабского, но некоторые из них отчасти его понимают, поэтому беседовать приходилось с их помощью.

В тот день, когда капитан-майор подошел на своих кораблях к городу, эти индийские христиане стреляли со своих кораблей из множества бомбард, а когда он подошел, они воздели руки и громко закричали: «Христос! Христос!»

Очевидно, люди да Гамы приняли за христиан торговцев-индусов, которые, скорее всего, кричали: «Кришна!» Эта мрачная религиозная комедия продолжилась и в Индии, где португальцам впервые предстало целое «христианское» государство со странными церквями (индийскими храмами) и многорукими образами Отца, Сына, Святого Духа, Богоматери и святых в причудливых одеяниях.

Помимо круга по Южной Атлантике другим «нововведением» да Гамы было использование в Индийском океане местных лоцманов. Говорят, что вел да Гаму до Индии ни кто иной, как легендарный ибн-Маджид —

арабский мореплавателю, писателю, автору ценного труда по судоходству в Индийском океане. В мусульманском мире и поныне проклинают его за эту измену. И хотя история о том, как гениального доверчивого Маджида обманули коварные португалы, рассказывается как антиимпериалистическая пропаганда, Маджид никак не мог быть этим лоцманом-изменником. Лоцман да Гама, нанятый или похищенный в Малинди (в 60 милях к северу от Момбасы), был родом из Гуджарата. Впоследствии его отвезли в Португалию. Оманец Маджид в своих обширных мемуарах не упоминает, чтобы он посещал Португалию.

При всех достоинствах, да Гама вовсе не считался человеком добрым и мягким. При малейшей провокации он отдавал своей команде приказы грабить, похищать детей и убивать. Оба лоцмана, взятые в Мозамбике, были пороты по обвинению в непослушании и при первой возможности в Момбасе бежали. К тому времени как экспедиция достигла Малинди, последнего африканского порта, ее уже обогнали слухи о кровожадности португалцев. Ни одно местное судно не хотело связываться с ними. Это было очень некстати, потому что запасы как раз кончались и отчаянно требовался проводник в Индию. В Малинди необходимость заставила да Гаму проявлять терпимость. В знак доброй воли он даже освободил пленников, взятых в Момбасе и Мозамбике.

24 апреля 1498 года, загрузившись свежими запасами, в сопровождении лоцмана из Гуджарата, предоставленного султаном Малинди, да Гама на трех маленьких кораблях покинул порт и направился на северо-восток, в открытое море, с первым дыханием летнего муссона. Через пять дней он пересек экватор и увидел старого друга европейских моряков — Полярную звезду. 18 мая путешественники уже наблюдали на горизонте горы Малабарского побережья. Всего за 23 дня они проделали в открытом море 2800 миль, промахнувшись мимо цели — Каликута — всего на семь миль. Самое жестокое из торговых государств открыло секрет летнего муссона. Волк попал в овечье стадо, и мировая торговля изменилась навсегда.

Португалы не создали торговой империи, скорее бандитскую структуру, обложившую данью местных купцов, заставляя их продавать пряности и другие товары по низким ценам. Многих игроков, в основном мусульман, вообще вытеснили с рынка. Грань между протекционизмом и пиратством и так была тонка, а португалы ее переходили с легкостью. Во время первого посещения Индии Васко да Гама разработал хорошо отлаженную схему. Флотилия выжидала, пока к ней подойдут на лодках, чтобы поприветствовать. Тогда команда брала подошедших в заложники. Капитаны всех трех кораблей — Васко да Гама, его брат Паулу и Николау Куэлью — если только возможно, оставались на борту, а на берег посылался отряд для «торговых переговоров».

В Африке и в Индии да Гама в качестве переводчиков использовал

деградаду — владевших восточными языками осужденных, взятых из португальских тюрем. Их первыми выпускали на берег в этих странных, чужих землях. В Каликуте такой чести удостоился деградаду по имени Жуан Нунеш, еврей, недавно обращенный в христианство, умевший говорить по-арабски. Он встретил жителей Туниса, знавших испанский и итальянский языки, и его спросили: «Дьявол тебя побери! Что вас сюда принесло?» На что он ответил, что ищет христиан и пряности.

Как и на правителя в Восточной Африке, на индийцев не произвело впечатления качество европейских товаров. Собираясь на встречу с заморином — индусом, правителем Каликута, — да Гама послал ему в подарок «12 отрезов ламбеля, 4 алых шаперона, 6 шляп, 4 нитки коралловых бус, сундук, содержащий 6 рукомольников, сундук сахару, 2 бочки масла и 2 бочки меду». Такие подарки не польстили бы даже мелкому купцу из тех, о ком рассказывает архив генизы, не говоря уже о правителе города, считавшегося самой крупной перевалочной базой в Индии. Слуги заморина при виде этих товаров презрительно скривились и сказали посланникам да Гамы, что «такие вещи дарить царю не подобает, что беднейший торговец из Мекки или другой части Индии и то дарит больше, что если мы хотим сделать подарок, то это должно быть золото, а такие вещи царь не примет».

Но не один только заморин не рад был да Гаме. Влиятельные мусульманские купцы Каликута резонно забеспокоились, что появление европейских христиан не сулит им ничего хорошего. Они посоветовали заморину действовать осторожно. В результате, капитан-майор прождал аудиенции целый день.

Дальше дела пошли еще хуже. Поскольку подарки были отвергнуты, капитан-майор ничего не преподнес правителю. Когда заморин спросил, почему тот явился с пустыми руками, да Гама ответил, что приехал делать открытия, а не торговать. Тогда заморин спросил с издевкой, «что он открывал — камни или людей? Если он открывал людей, как он говорит, почему ничего не привез?»

Если да Гама плохо подготовился к коммерческому рейсу, то его представления о культуре и обычаях Индии и вовсе были ужасны. Привезенные на обмен никчемные товары, безобразное высокомерие и параноидальная подозрительность португальцев привели к тому, что они оказались в заложниках, да еще поссорились с мусульманскими купцами, которые, вероятно, уже прознали о планах капитан-майора выдворить их из города. Едва завидев кого-нибудь из команды Васко да Гамы, купцы сплевывали и презрительно говорили: «Португалец! Португалец!»

Интересно, что почти за десять лет до этих событий Перу да Ковильян, во время своего эпического путешествия, проявил коммерческую и дипломатическую мудрость, которой так недоставало да Гаме. Но в Средние века информация распространялась так плохо, что, как и Диаш, да Гама так и не получил бесценные сведения, собранные Ковильяном.

Но несмотря на все препятствия, торговое взаимодействие между мусульманскими купцами и командой да Гамы все же состоялось. Пусть мусульманские купцы справедливо опасались религиозной нетерпимости и смертельной опасности, исходившей от чужаков, пусть заморин остался недоволен подношениями европейцев, зато местные индусы были рады обменять пряности на привезенные ткани. Европейцев разочаровали цены на ткань. Здесь носили рубашки гораздо более тонкие, так что товар пришлось продать за десятую часть цены, которую запросили бы в Лиссабоне. Зато пряности им продавали еще дешевле.

Индус-заморин поначалу согласился на торговлю с европейцами, но скоро устал от двуличности капитан-майора. Наконец он позволил трем португальским кораблям, которые простояли три месяца в порту, медленно наполнялись пряностями и прочими сокровищами, но не смогли заплатить обычной торговой пошлины, отправиться восвояси. 29 августа 1498 года корабли подняли якорь и отбыли из Каликута.

Трудности да Гамы в его первом путешествии в Индию типичны. Из приблизительно 170 человек, отбывших из Лиссабона, вернулось менее половины. Большинство жизней забрала цинга на обратном пути через Индийский океан. Экипаж страдал еще сильнее, чем в Атлантике. Умерло и ослабло от болезни столько людей, что один корабль пришлось бросить. Оставшихся людей едва хватало, чтобы управлять двумя. Паулу да Гама скончался от цинги на следующий день после прибытия на Азорские острова. Это была последняя остановка перед возвращением в Лиссабон, куда удалось попасть только в сентябре 1499 года. В любом случае, корабли привезли из Каликута столько перца, корицы и гвоздики, что затраты на экспедицию окупились 60 раз, и когда тех, кто остался в живых, чествовали в Лиссабоне, никто не сомневался, что жертвы были ненеприятными.

Португальская корона не замедлила воспользоваться этими достижениями мореходства и коммерции. Меньше чем через шесть месяцев, в марте 1500 года, Педру Алвареш Кабрал отбыл на 13 кораблях с полутора тысячами человек. Он сделал еще более удачный «крюк» по Атлантике и без потерь добрался до страшного мыса, а по пути стал первым европейцем, побывавшим в Бразилии, которая, к счастью для Португалии, находится по ее сторону от Тордесильясской линии.

Этот поход стал примером для множества последующих экспедиций в Индию. Их начинали в конце зимы, чтобы выжать максимальную выгоду из атлантических «торговых» ветров, а затем поймать летний муссон через Индийский океан и прибыть в Индию в сентябре, через шесть месяцев после отплытия из Лиссабона. (Говоря словами одного капитана: «В последний день февраля еще время есть, а в первый день марта уже поздно».) Осень европейцы проводили в Индии, обменивая товары и починяя паруса и такелаж, и возвращались с зимним муссоном. Уход из Европы в конце зимы оказался не только более быстрым, но и более опасным, обрекая экспедицию

на сезонные штормы Южного полушария. Четыре корабля Кабрал потерял во время бури в южной Атлантике, а из девяти уцелевших до Индии добрались только шесть. И вновь — не беда. Барыш так велик, а жизнь так дешева. Сотни душ — небольшая цена за перец, корицу и гвоздику для страждущей Европы.

Прибыв в Индию, Кабрал перемешал дипломатическую кашу, которая заварилась два года назад благодаря грубости и подозрительности да Гамы. За прошедшее время умер старый заморин, который вел себя резко, но на самом деле, чрезвычайно гордился тем, что сумел завязать с португальцами торговые отношения. Теперь правил его сын. Как и Васко да Гама, Кабрал потребовал в торговле преимущества перед мусульманами. Поначалу дела пошли хорошо. Европейцы захватили корабль соседнего царства. На корабле оказался слон, который и был подарен заморину. Самые крупные из португальских кораблей заполнились перцем и превосходными пряностями. Узнав, что мусульманские корабли тоже нагрузились пряностями и направлялись в Джидду — порт Мекки, Кабрал захватил их, поскольку в глазах европейцев всякая торговля с «ненавистными маврами» нарушала их договор с заморином. Это возмутило каликутских мусульман, они напали на торговый склад португальцев и убили 54 человека.

Целый день португальцы ждали, что скажет заморин. Ничего не происходило, и они решили самое худшее — что как раз заморин и стоит за убийством. Тогда они захватили около дюжины индийских кораблей, перебили команду и весь день расстреливали город из корабельных пушек. Затем португальцы направились к Кочину, южному сопернику Каликута. В Кочине и Каннануре (в 40 милях к северу от Каликута) они наполнили **пряностями и малые свои корабли**. Опасаясь ответного удара от заморина и предательства от правителя Кочина, они уплывали в такой спешке, что забыли на берегу своих торговцев. Зато осталось больше места для серебра и груза. По пути в Лиссабон Кабрал потерял еще один корабль.

Корона осталась не слишком довольна капитаном, который потерял 2/3 кораблей да еще развязал войну с новым заморином. Но эти грехи король мог простить. Гораздо хуже было, что Кабрал привез второсортную корицу. В следующую экспедицию был отправлен Васко да Гама. Он отбыл в 1502 году на 25 кораблях.

Трехлетний перерыв между первым и вторым путешествиями не сделал да Гаму добрее. Теперь им руководили не только торговые мотивы. В отместку за бойню на торговых складах он решил прервать торговое сообщение мусульман между Малабарским побережьем и Красным морем. В начале сентября 1502 года, через семь месяцев после выхода из Лиссабона, его флот остановился в Каннануре и стал ждать.

Примерно через три недели, 29 сентября, флот перехватил судно «Мери», на котором из Мекки возвращалось несколько сот паломников, в том числе женщины и дети. Пять дней команда да Гамы медленно и

хладнокровно освобождала корабль от груза, а пассажиров от их имущества, невозмутимо слушая, как паломники сулят за свою жизнь большой выкуп.

Участник команды и хронист с одного из кораблей, Томе Лопеш, записал, что 3 октября 1502 года, когда прекратился грабеж, произошло то, что он будет «вспоминать до конца дней своих». Да Гама приказал предать корабль огню. Его пассажиры, которым терять было уже нечего, как мужчины, так и женщины, защищаясь, напали на португальцев с камнями и голыми руками. Затем обреченные мусульмане протаранили один из португальских кораблей, так что португальцы не могли обстреливать «Мери», чтобы не попасть по своему кораблю. Завязался жестокий абордажный бой. Все это время мусульманские женщины размахивали своими украшениями и поднимали над головой детей в надежде, что Васко да Гама, наблюдавший за битвой через пушечный порт, сжалится над ними. Он не сжалился. Спаслись только дети, которых отняли и крестили, и конечно, лоцман.

Ответственный за заключение мира заморин дипломатично предположил, что резня и грабеж на «Мери» более чем искупили нападение на португальские торговые склады. Что было, то прошло. И только свирепый да Гама ярился: «От начала времен мавры были врагами христиан, а христиане — врагами мавров, и всегда они воевали».

Да Гама прибыл в Каликут в самом скверном расположении духа и расстрелял порт еще ожесточеннее, чем Кабрал. 1 ноября он повесил на мачтах дюжину мусульманских пленников.

...головы, руки и ноги повешенных отрубили и сложили в лодку, а к ним прибавили письмо. В письме говорилось, что пусть это не те люди, что повинны в смерти португальцев [2 года назад], они все же понесли наказание, а тех, кто это предательство совершил, ожидает еще более жестокая смерть.

И это не единственный случай. Португальцы часто забавлялись, вывешивая людей из захваченных доу, в качестве мишеней. Куски трупов потом посылались местному правителю с предложением употребить это под соусом карри. Такая жестокость была удивительна даже по тем временам, отравленным католическим фанатизмом эпохи. Средневековый христианин считал само собой разумеющимся, что иноверец проклят богом. Если евреи, мусульмане и индусы обречены после смерти вечно жариться в аду, не было никаких причин сочувствовать им при жизни.

В результате этих, в основном, неспровоцированных жестокостей, заморин и Васко да Гама оказались в состоянии уже настоящей войны. В январе 1503 года индийский правитель из безопасного Кочина заманил да Гаму в каликутскую западню. Португальцев несколько раз атаковали

быстрые индийские корабли, но все атаки были отражены.

Когда настала зима, пробил час муссонов, и португальцы наконец ушли. На этот раз они оставили постоянные базы в Каннануре и Кочине, а также несколько кораблей — зародыш первого постоянного флота в индийском океане. Ушедшие суда везли домой огромные количества пряностей: по некоторым оценкам, около 1700 тонн перца и 400 тонн корицы, гвоздики, мациса и мускатного ореха. Все это было погружено в Кочине после резни на «Мери». Считалось, что сам капитан-майор получил около 40000 дукатов прибыли, доставив ароматный груз на берега Тежу.

За пять лет, прошедших с первого появления Васко да Гамы в Индии, португальцы не только наладили баснословно прибыльную торговлю, но и почти всякий порт по пути сделали враждебным. Всюду, куда ступала их нога, они наживали себе врагов, вытесняя мусульманских торговцев. А значит, новый путь доставки пряностей, уязвимый и слабый, следовало защитить цепью укрепленных португальских портов, архитектурные и культурные призраки которых видны и сегодня на всем пути от Азорских островов до Макао.

Строительство этой империи продвигалось быстро. В 1505 году Франсишку де Алмейда был назначен на должность первого вице-короля Индии. Свою первую остановку он сделал в Килве (современная Танзания). Он напал на город и взял его, оставив после себя марионеточного арабского султана и большой гарнизон. Затем он разорил Момбасу, и, пока плыл в Индию, войска из гарнизона захватили остров Мозамбик. За несколько месяцев португальцы прибрали к рукам все крупные порты Восточной Африки. Вскоре эти базы послужили для получения африканского золота, чтобы обменивать его на индийские пряности. Дальше золото меняли на гуджаратские ткани. В этом торговом треугольнике — золото, пряности, ткани — не было ничего нового. Арабские и азиатские купцы пользовались им веками. Но европейцы нашли еще один способ извлечь выгоду — они задействовали такие участки Индийского океана, чтобы не требовалось огибать опасный мыс Доброй Надежды.

Прибыв в Индию, Алмейда принялся систематически завоевывать малабарские порты. Поначалу две великие мусульманские державы — Египет Мамлюков и государства Гуджарата — сопротивлялись. В 1508 году они развернули объединенные силы в порту Чаул (на юге современного Мумбаи) и поймали португальский флот в засаду. В бою был убит сын Алмейды. За его смерть вице-король отомстил через год, уничтожив объединенный мусульманский флот при Диу (к северу от Мумбаи). Так рухнула последняя преграда европейскому господству в Индийском океане. В очередной раз показав, что дукаты сильнее молитвы, Венеция поддержала морской поход на братьев во Христе, который предпринял гуджаратский мамлюк со своими военными визирями.

Третью португальскую кампанию в Восточную Африку и Индию

возглавил человек, имя которого более, чем всякое другое, символизировало покорение европейцами Индийского океана — Афонсу де Альбукерки. Быстрый успех этого легендарного полководца позволил взять под контроль несколько сомалийских портов и два важнейших для торговли острова — Сокотру (мультикультурную прихожую Красного моря) и Ормуз (сторожевого пса Персидского залива). Не в последний раз Ормуз, этот высохший кусок суши, богатый песком, камнем, солью и серой, оказался для европейцев лакомым куском. Когда талантливому Альбукерки назначили вице-королем Индии, жители Ормуза сбросили власть португальцев, и тем пришлось отвоевывать остров несколько лет.

Покорение Индийского океана не всегда проходило гладко. В 1508 году, когда Альбукерки прибыл в Индию, Алмейда отказался признать его полномочия и на несколько месяцев заковал преемника в цепи, пока из Португалии не пришел другой флот и не привез бумаги, утверждающие его назначение. Богатый, сильный и враждебный Каликут противился завоеванию, а Кочин, уже находившийся в руках у португальцев, плохо подходил на роль глазной гавани. Наконец Альбукерки остановился на острове около Гоа, который он завоевал в 1510 году. Здесь расположилась штаб-квартира Estado da Hindia — Государства Индии. Это название утвердилось за всеми португальскими владениями в Азии и Африке.

Затем необходимо было заполучить Аден. Он мешал Альбукерки как соринка в глазу, будто заноза в теле его государства. Построенный на вершине вулкана, посреди прибрежного горного хребта, обнесенный крепкими стенами город контролировал вход во «Врата скорби» — Баб-эль-мандебский пролив, через который поступала в Европу большая часть азиатских товаров. Из Абиссинии проливом доставлялись рабы, слоновая кость, кофе, продовольствие для города. Через проход в горах везли пряности и вели прекраснейших лошадей арабской породы. Грузы, направлявшиеся на север, перевозились на больших кораблях, которые приставали в Джидде, на полпути по Красному морю. Там огромные количества перца, гвоздики, муската, тонкого гуджаратского хлопка, китайского фарфора и шелка, других экзотических товаров перегружали на суда поменьше, пригодные для плавания среди мелей и рифов северной части моря и Суэцкого залива.

Португальцы взяли под контроль многие индийские центры торговли пряностями, взяли они и Ормуз, но Аден им не достался. Это означало, что хитрые мусульманские и индусские моряки могли запросто миновать иберийские твердыни и беспрепятственно плыть по Красному морю в Египет. Нет Адена — нет монополии на торговлю пряностями.

Альбукерки так и не сумел завоевать его. Сперва он рассчитывал, что достаточно овладеть островом Сокотра, чтобы перекрыть Баб-эль-мандебский пролив, но оказалось, что Сокотра расположена слишком далеко от пролива. Тогда он оставил Сокотру, всего через несколько лет после ее захвата, и в 1513 году попытался напасть на Аден, но потерпел жестокое

поражение. Тогда он пошел по Красному морю, пока встречные ветра не заставили его вернуться к своему вице-королевству. Неудачный рейд в Красное море стал первым серьезным признаком военного присутствия европейцев в этой важнейшей мусульманской акватории с 1183 года, с момента плавания Рено де Шатильона и его крестоносцев. Он же стал и последним еще на три столетия.

Все же вице-король мечтал прибрать пролив к рукам, пусть не из Адена, так с острова Массауа, с абиссинской стороны. Подобно Адену и подобно любому стратегическому порту в этом регионе, порт Массауа долгое время находился в руках мусульман. В VIII веке он был отнят у абиссинских христиан. В 1515 году Альбукерки писал королю, что если бы только он мог захватить Массауа, остров можно было бы снабжать, вооружать и содержать при помощи пресвитера Иоанна, который царствовал неподалеку:

Теперь в Индии нет для нас вопроса важнее, чем Аден и Красное море. Если Вашему Величеству будет угодно, нам нужно закрепиться в Массауа — в порту пресвитера Иоанна.

Альбукерки умер через шесть месяцев после того, как было написано это письмо. Не сумев захватить Аден, португальцы использовали другой вариант. С каждым зимним муссоном, во время хаджа и торговых перевозок, они блокировали Баб-эль-мандебский пролив прибывшими из Индии силами. Но приходилось преодолевать большие расстояния, не все военные корабли для этого годились, снаряжение их обходилось чрезвычайно дорого, и такое морское эмбарго не оправдало себя.

Возможность захватить монополию на торговлю пряностями для португальцев ускользнула в 1538 году, когда турки-османы аннексировали Аден. Историки считают, что португальским капитанам и колониальным властям было бы выгоднее сквозь пальцы смотреть на азиатскую торговлю через пролив. Напротив, стремление получить полный контроль над проливом оказалось затратным, опасным и бесперспективным.

Противником Альбукерки был великий османский адмирал Пири-реис. К несчастью для португальцев, карьера Пири оказалась гораздо продолжительнее. Прослужив султану несколько десятков лет, он исходил Красное море, Индийский океан и Персидский залив, наводя ужас и панику на европейских соперников. В возрасте 90 лет ему публично отрубили голову по приказу губернатора Басры за то, что он отказался вести военные действия против португальцев в северной части Персидского залива.

Османские адмиралы, сменившие Пири, продолжили его традицию. Когда подворачивался случай, они захватывали португальские базы повсюду, от Восточной Африки до Южной Аравии и Омана, и даже на Малабарском побережье. Однажды одиночный турецкий военный корабль практически выбил португальских выскочек из их крепостей в восточных портах Африки,

говорящей на суахили. Но ни иберийцы, ни даже более сильные османы не смогли удержать контроль над морскими перевозками между Европой и Азией. Вскоре португальцы оказались втянуты в новое соперничество.

* * *

В 1505 году два мелких португальских аристократа, двоюродные братья Фернан де Магальяниш и Франсишку Серран решили попытаться счастья в Индии и нанялись во флот Алмейды, вместе со многими тысячами солдат и матросов. Их дальнейшие приключения, хоть и выглядят, по нынешним временам, фантастическими, для тех времен были вполне типичными. При жизни братьям достался богатый опыт и множество интересных мыслей. А после, внезапно, они изменили ход истории.

Несколько лет провел Магальяниш в бесконечных сражениях, несколько раз был ранен, в том числе в битве за Каннанур в 1506 году, когда Алмейда потерпел жестокое поражение от соединенного флота заморина и султана из Мамлюков. По этому случаю Магальяниша списали на берег, но, вкусив приключений и возможностей Востока, он нашел Португалию скучной и душной. Со следующей в Индию флотилией они с Серраном вернулись в море.

На этот раз экспедиция была скромнее, чем в 1505 году. Значение, однако, ей придавалось не меньшее, потому что командующего для нее назначал сам португальский король. Он надеялся, что Лопиш де Сикейра наладит торговлю с Малаккой. Как Аден в западной части Индийского океана контролировал поток товаров в Европу, Египет и Турцию, так Малакка играла ту же роль в восточной части океана. Там проходил узкий коридор, через который везли грузы с Островов Пряностей и предметы роскоши из Китая и Японии. В апреле 1509 года флотилия прибыла в Кочин, пополнила запасы, подлатала корабли и 19 августа, с летним муссоном, двинулась на восток, в неведомые для европейских моряков воды. В Малакку они прибыли уже через 23 дня, 11 сентября.

В тот день и португальцы, и азиаты испытали смешанные чувства удовольствия, отвращения, любопытства и ужаса. Даже чудеса Индии не смогли подготовить европейцев к зрелищу буйных тропических красот, изобилия, необъятных флотилий торговых судов, тысяч лавок и торговцев, смешения культур, десятков народностей — величайшего перевалочного пункта эпохи. Пришельцы думали о том, что скоро все это станет их владениями, и о том, что, возможно, за это придется платить страшную цену. А малаккские аристократы и купцы в этот момент видели всего лишь горстку европейцев. Этого, однако же, хватило, чтобы они узнали о португальской жестокости.

Внешне все выглядело спокойно и по-дружески. Можно представить, как наслаждались моряки, много месяцев прожившие в ужасных условиях на борту кораблей и на верфях. Теперь они радовались сочной пище, сладким напиткам и экзотическим женщинам самого восхитительного в мире порта.

Только Гарсиа де Суса — капитан одного из португальских кораблей — слонялся в гавани, присматривая за этими сотнями улыбчивых туземцев, которые карабкались со своих катамаранов на корабли и предлагали на продажу местные товары. Капитану мерещилась засада, и он послал на флагман Магальяниша, как самого опытного и надежного моряка, чтобы предупредить Сикейру. Добравшись до флагмана, Магальяниш обнаружил, что Сикейра играет в шахматы, а позади каждого из игроков стоит по туземцу с кривым малайским ножом — смертоносным крисом. Магальяниш шепнул Сикейре предостережение, и тот отправил наверх дозорного.

В этот самый момент над царским дворцом показался клуб дыма — сигнал к нападению. Флот едва успел спастись. Магальяниш, Сикейра и другие португальцы схватили малайцев в каюте прежде, чем те успели пустить в дело свои крисы, затем побросали их за борт и расстреляли приближавшиеся катамараны из пушек.

Людям, которые польстились на берегу на удовольствия Малакки, повезло меньше. Многие пытались бежать, но тщетно, потому что их лодок на месте уже не оказалось. В тот день выжил только один португалец из тех, кто оставался на берегу — Франсишку Серран. Дом, где он находился, окружили малайцы, но его спас Фернан, приславший лодку на выручку брата. Оставшиеся в живых спешно уплыли.

До этого момента Магальяниш отлично зарекомендовал себя как верный и способный солдат, но в Португальской Индии подобные качества не были чем-то исключительным. События в Малакке позволили ему выдвинуться в командиры. В 1510 году сам Альбукерки назначил Магальяниша офицером и направил с королевским флотом, который в следующем году взял Малакку, отхватив таким образом добычу, равную Венеции или Константинополю. В чисто европейской манере устанавливать контроль над узкими местами португальцы тут же пережали горло богатой торговле с Китаем, Японией и, конечно, Островами Пряностей, расположенными среди Молуккских островов, в 1800 милях к востоку от Малакки.

В этот момент высшего триумфа два брата разделились. Магальяниш решил, что с него довольно. Его доля прибыли от груза пряностей и прочей добычи, полученной в Малакке, была велика. Он заслужил отличную репутацию, или так ему казалось. Он остался в живых, получил жалование и вернулся домой в сопровождении рабов-малайцев, о которых будет рассказано позже. Серран решил еще попытать удачи и принял командование над одним из трех кораблей соединения, которое вел Антониу де Абреу. Корабли направились к Островам Пряностей.

Абреу, Серран и их команда едва могли поверить своей удаче. Но островах Банда и Амбоин они доверху заполнили трюмы гвоздикой, мацисом и мускатом, купленными за браслеты, бубенцы и прочие побрякушки, и поспешили вернуться домой. Но Абреу подвела жадность. Он так перегрузил

корабли, что один из них — тот, которым командовал Серран — развалился на части и остался на рифах. Серран отважно вывел тех, кто выжил, обратно, на Амбоин. Военная дисциплина предписывала ему со всей возможной поспешностью возвращаться в Малакку и незамедлительно предоставить себя в распоряжение короны. Но тут Серран, как и его двоюродный брат, решил, что с него довольно. Слишком часто он рисковал своей шкурой ради королевской славы, а контраст между тяготами службы и тропическими пейзажами Амбоина с его миролюбивыми жителями оказался слишком разительным для усталого путешественника. Он больше не вернулся в Португалию, сделался туземцем, нашел себе должность военного советника у местного царька, счастье с молодой женой и полный дом детей и рабов.

Серран не полностью оборвал связи с домом. В первую очередь, он продолжал переписку с кузеном, которому был обязан жизнью. За сотни лет до Всемирной почтовой конвенции и учреждения Всемирного почтового союза письма Серрана как-то находили путь в Европу из страны, лежавшей за морями и за гранью европейских представлений о мире. Помимо приглашений любезному кузену вернуться и разделить с ним этот рай на земле, Серран приводил в письмах подробные данные, касавшиеся навигации и торговли. Вскоре Магальяниш знал об Островах Пряностей больше, чем кто-либо из европейцев. Он придумал, как применить эти знания. В письме кузену Серрану он обещал вернуться к нему «если не с португальским кораблем, то как-нибудь еще».

В 1512 году, когда Магальяниш вернулся в Лиссабон, он оказался у себя на родине чужаком, неизвестным, бесполезным ветераном колониальных войн в городе, пресыщенном роскошью, нажитой на торговле пряностями. Не смирившись с тяжелой и унылой ролью мелкого придворного иждивенца, он отправился с армией в Марокко, где нашел себе большой простор для деятельности. Там его серьезно ранили, на этот раз повредив колено, так что он стал хромым и непригодным для боя. Затем Магальяниш занимал должность квартирмейстера, был обвинен в воровстве, бежал в Лиссабон, чтобы объяснить перед королем. Дон Мануэл отказал ему в приеме и велел возвращаться в Марокко, под суд. Суд оправдал путешественника.

Как всякий уважающий себя конкистадор того времени, Магальяниш не испытывал трепета ни перед кем, даже перед монархом. Вместо того чтобы помалкивать и получать пенсию, этот подданный продолжал сражаться с демонами эпохи за короля и страну и требовать аудиенции у дона Мануэла. На сей раз его приняли. Произошла ссора, возможно в той же комнате, где кузен дона Мануэла, Жуан II, отказал Колумбу. Результат ссоры обошелся Португалии так же дорого.

Подобно Колумбу, Магальяниш не вынашивал великого плана открытий или завоеваний. Он лишь хотел сбросить оковы скудного содержания и возвыситься над наглой придворной молодежью, которая помыкала им. Магальяниш просил только учесть его храбрость, его заслуги

перед короной, его таланты и большой опыт. Он просил место командира корабля, плывущего в Индию.

Ему холодно отказали, и тогда расстроенный Магальяниш спросил Мануэла: если Португалия больше не нуждается в его услугах, позволено ли ему наняться где-нибудь еще? Король, мечтавший уже избавиться от настырного подданного, ответил, что Португалия от этого ничего не потеряет.

Магальяниш оставался при дворе еще больше года, выжидая и тщательно выуживая полезные сведения из королевской библиотеки, где хранились карты и отчеты о последних экспедициях в Азию и Бразилию. Его очень интересовало побережье Южной Америки.

К тому же он свел знакомство с Руи Фалейру, замечательным географом и астрономом, который выделял Магальяниша за его многочисленные познания и стремился заполнить пробел в них — недостаток навигационных навыков. Неизвестно, кто из этих двоих предложил план кругосветного путешествия, но каким-то образом они пришли к выводу о существовании «южного пролива» за краем Южной Америки, около 40° южной широты, наподобие мыса Доброй Надежды по дороге в Индию, только с другой стороны света.

Подобно тому, как Колумб недооценивал длину окружности экватора Земли, Магальяниш в свою очередь смотрел на перспективу путешествия очень оптимистично. Пролив, который позже будет назван его именем, располагается примерно в тысяче миль южнее спокойной, удобной сороковой широты. Зато эти просчеты, как и Колумбу, придали ему смелость осуществить свой план. Наконец, подобно Колумбу, Фернан Магальяниш нашел поддержку при испанском дворе, где сменил свое имя на кастильский манер: Фернандо де Магальянес или, как он известен у нас, Магеллан.

Как раз в то время испанские монархи легко поддавались на убеждения. Два десятка лет назад, по Тордесильясскому договору, чтобы защитить португальские претензии на Африку, демаркационная линия была перенесена на 800 миль к западу от того, что первоначально начертал папа. Магеллан сказал испанцам, что теперь Португалии придется платить за перец. С тех пор как договор рассек глобус надвое, разделительная линия в восточном полушарии тоже передвинулась на 800 миль к западу и находилась примерно на 135° восточной долготы. По мнению Магеллана, это переносило Острова Пряностей в испанскую зону. Путешественник прибыл в Испанию в конце 1517 года и за несколько месяцев разработал план, а через два года его многонациональная команда уже отчалила в Атлантику, в самое удивительное и едва ли не самое смертельное из путешествий, связанных с великими открытиями.

Пережила кругосветное путешествие только треть из примерно 265 человек — те, что не были убиты филиппинцами и португальцами, не умерли от цинги и не остались на неведомых берегах. Одно из самых грустных в

истории совпадений — оба брата были убиты с разницей в несколько недель и на расстоянии в несколько сот миль друг от друга. Магеллан погиб от филиппинских копий на берегу Мактана, а Серран — от яда из рук местного султана после того, как ввязался в давнее соперничество между островами Тернате и Тидоре.

Самый замечательный рассказ об этом кругосветном путешествии связан с рабом, Энрике из Малакки, которого Магеллан привез в Лиссабон в 1512 году. В кругосветном плавании Энрике служил господину в Атлантике и Тихом океане. Ему пообещали, что дадут волю, если хозяин умрет. Но когда Магеллан был убит, раба не освободили, тогда он разозлился и сбежал. Хотя место его рождения и последующая жизнь нам неизвестны, вероятно, он стал первым человеком, совершившим путешествие вокруг света.

Из пяти кораблей, начавших плавание, до Тидоре дошли только два, на борту которых находилась команда высохших как скелеты людей и пленные местные лоцманы. На эти корабли нагроулили столько корицы, что султан (тот самый, что отравил Серрана), глядя на то, как осели корабли под тяжестью груза, посоветовал не устраивать прощального салюта, опасаясь, что отдача от выстрела может потопить суда.

Путешествие сумел завершить только один из кораблей — «Виктория». Но 26 тонн гвоздики, доставленные им с Тидоре, окупили затраты на экспедицию. Испанский король отметил капитана — Хуана Себастьяна де Элькано, который довел изувеченный корабль до Испании, пожаловав ему пенсию и герб с изображением двух палочек корицы, трех мускатных орехов и двенадцати бутонов гвоздики.

В начале XVI века, когда новости о миссии Магеллана достигли Лиссабона, для Испании и Португалии вопрос о том, кто из них будет контролировать эти крошечные вулканические островки, был первостепенным. Дон Мануэл испугался, что его сказочно прибыльная торговля пряностями под угрозой. Он впал в панику. Поскольку путь Магеллана держался в строжайшем секрете — не разглашалось даже, на восток или на запад отплыли его корабли, — Мануэл не знал, куда посылать свои. Он рассеял их повсюду, от Аргентины до мыса Доброй Надежды и Малакки, надеясь перехватить испанский флот. Случайно они обнаружили только один из Магеллановых кораблей, «Тринидад», который нуждался в ремонте сильнее, чем «Виктория», пропустил зимний муссон и предпринял самоубийственную попытку вернуться через Тихий океан, на восток. Достигнув широты Северной Японии, команда повернула назад, к Молуккским островам, где их перехватили португальцы, пришедшие слишком поздно, чтобы поймать «Викторию». Позже в Испанию вернулось только четверо моряков из первоначальной команды «Тринидада».

Королю Мануэлу не стоило беспокоиться. Хотя испанцы оставили на Тидоре маленькую торговую базу, лоцманы «Тринидада» и «Виктории» к тому времени уже поняли, что первоначальные расчеты Магеллана и

Фальеро были ошибочны. Острова Пряностей, к сожалению, располагались в португальской зоне. (Как и Филиппины. Впрочем, это неудобство Филипп II Испанский исправил в 1565 году, когда вторгся на острова.) Все же прошло еще 250 лет, прежде чем долготу измерили достаточно точно, но к тому времени мускат и гвоздика стали уже настолько обычным и дешевым товаром, что расположение островов уже ничего не меняло.

Изучив отчеты об экспедиции, испанские монархи пришли к выводу, что даже долгое, опасное и дорогое плавание вокруг мыса Доброй Надежды выглядит легкой прогулкой по сравнению с кругосветным. Таким образом, португальцы, под чьим контролем находился мыс, сохраняли преимущество над испанцами. Наконец дипломатические требования и высокие затраты, связанные со снаряжением экспедиций, прекратили попытки Испании овладеть торговлей пряностями. Карл V Испанский просто женился на сестре нового португальского короля, Жуана III, и таким образом обеспечил дружественные отношения с Португалией. Кроме того, военные авантюры Испании держали ее в постоянных долгах. В 1529 году Испания, нуждаясь в деньгах и мире с западным соседом, продала Португалии свои претензии на Острова Пряностей за 350 000 дукатов.

Хотя Португалия освободилась от конкурента в лице Испании, у нее оставались еще азиатские соперники. Португалия с ее крошечным населением и ограниченными ресурсами не справлялась с наведением порядка по всему Индийскому океану. Даже в относительно малых пределах Островов Пряностей находилось слишком много деревьев, бывших источником пряностей, слишком много берегов, слишком много туземных катамаранов и слишком много продажных чиновников, которые за несколько лишних золотых охотно закрывали глаза на несколько лишних мешков муската. Португалии отчаянно не хватало людей, и потому она могла держать под контролем только одну торговую базу на Молуккских островах. Как следствие, только 1/8 гвоздики ввозилась в Европу на португальских судах. Еще труднее оказалось монополизировать корицу, а перец и вовсе невозможно, потому что он рос не только по всему протяжению Западных Гхат, но даже на Суматре.

Единственная возможность для Португалии перехватить мусульманские корабли, не дать туго набитым пряностями тюкам попасть в Египет, а следовательно, в Европу, заключалась в том, чтобы перекрыть Красное море. Это, как мы уже видели, им не удалось. В первые десятилетия после того, как Алмейда и Альбукерки устроили на западном побережье Индийского океана свои базы, португальцы пытались помешать провозу товара через Баб-эль-мандебский пролив. Но уже тогда португальских чиновников и морских офицеров было легко подкупить. Как писал один венецианский дипломат:

Специи провозились с дозволения португальских солдат, которые заправляли... в Красном море к собственной выгоде, несмотря на приказы своего короля, поскольку выжить в тех местах они могли, только продавая корицу, гвоздику, мускатный орех и цвет, имбирь, перец и другие снадобья.

Следовало ожидать, что Венеция отправит своих дипломатов следить за португальцами, которые, по словам Томе Пиреша, тянули холодные, жадные руки к длинному, тонкому горлу Малакки и всюду, куда могли дотянуться. Венецианские купцы ужаснулись, узнав о возвращении в Португалию Васко да Гамы, и их самые первые и самые худшие опасения подтвердились. За десять лет, начиная с 1498 года, венецианская торговля пряностями сократилась на 2/3. Однако это сокращение не было следствием португальской блокады. Просто большие объемы пряностей поступали теперь вокруг мыса Доброй Надежды в Лиссабон, а оттуда в Антверпен — главную габсбургскую перевалочную базу богатеющей Северной Европы. В 1497 году, когда Васко да Гама отправился из Лиссабона в свое первое путешествие, европейцы потребляли менее двух миллионов фунтов перца в год. К 1560 году потребление выросло до 6—7 миллионов фунтов.

Более разорительным, чем конкурентный способ доставки пряностей, стал для венецианской торговли разрыв отношений с растущей Османской империей. За первые десятилетия XVI века турки вытеснили с морских просторов венецианские галеры, перевозившие предметы роскоши по западной части Средиземного моря. Поток пряностей, поступавший в Египет, иссяк лишь ненадолго, в самом начале португальской экспансии после 1500 года. Наоборот, венецианские купцы обнаружили, что в Каире и Александрии имеется богатый выбор пряностей по справедливым ценам — если, конечно, удастся туда попасть.

К 60-м годам XVI века Венеция возобновила торговлю с турками. Теперь Баб-эль-Мандебский пролив, Красное море и сам Египет находились под пятой Османской империи, а при растущем в Европе спросе на роскошь через Венецию могло проходить больше перца, чем до того, как Васко да Гама открыл путь вокруг Африки. Не одна лишь Венеция чинила константинопольскую калитку — французы и немцы тоже наладили отношения с османами, и их корабли нередко проносились мимо венецианских галер.

Если венецианцы беспокоились из-за португальцев, то португальцы переживали из-за могучей торговой сети мусульманских стран. Сегодня трудно представить, что крупнейшим конкурентом Португалии в Индийском океане был Ачех — город-государство на западе Суматры, сейчас известный, в основном, как далекая, захолустная жертва цунами 2004 года. Однако в начале XVI века он был торговой державой, бенефициарием традиций дальнего плавания, сложившихся у древних австронезийцев в Индийском и

Тихом океанах. В XIII веке Ачех принял ислам, что позволяло азиатским купцам призывать в Малакке не иметь дел с неверными португальцами. Расцвет Ачеха хорошо объясняет, почему у Португалии возникли трудности с контролем над Индийским океаном. Азиатские суда избегали заходить в Малакку и Гоа, как избегали они всякого порта, которым управлял жадный продажный султанат. Они предпочитали торговые базы, где заключались честные сделки. В XVI веке Ачех отлично им подходил.

Влияние Ачеха распространялось на Индийский океан и его окрестности. На восточном краю торгового фронта он успешно спорил с португальцами за Острова Пряностей и терроризировал Малакку, устраивая разрушительные набеги на юрких весельных судах. На западном краю отношения Ачеха с Османской империей позволяли держать Португалию в страхе.

В Средние века шпионы следили за судоверфями и торговыми базами точно так же, как во времена «холодной войны» за ракетами и ядерными объектами. В 1546 году два португальских агента из Венеции писали, что в Каире выгружено 650 000 фунтов пряностей — достаточно, чтобы обеспечить на месяц всю Европу и погубить Венецию. Большая часть этого груза прибыла из Ачеха, который ежегодно экспортировал на запад до семи миллионов фунтов перца — примерно таковы были годовые потребности Европы. Даже если предположить, что часть груза предназначалась туркам, нетрудно подсчитать, что Ачех, а затем и Венеция держали в руках большую часть торговли индийскими пряностями, чем Португалия.

Португальские агенты сообщали, что больше всего в этих перевозках и торговле задействовано жителей Ачеха, и из-за них рынки пряностей повсюду пересыщены и цены падают. Также шпионы пишут, что Ачех отправил послов к османскому султану в Константинополь и попросил предоставить пушечных дел мастеров в обмен на жемчуг, алмазы и рубины. Как отмечал один португальский современник, султан Ачеха Риают-шах аль-Кахар «даже на другой бок не перевернется без мысли о том, как бы разорить Малакку».

Португальцы осознали, что если они не переломят ось Ачех—Османская империя—Венеция, то их торговой империи придет конец. Они вынашивали грандиозные планы по очистке Красного моря и вторжению в Ачех. Ради вторжения они даже договорились с ненавистными испанцами о совместных действиях с их флотом в Маниле. Но все свелось на нет. У португальцев просто не нашлось достаточно сил — ни людей, ни кораблей, ни денег, — чтобы удержать за собой торговлю пряностями. Один португалец заметил: «Яванские корабли свободно перевозят гвоздику и мускат через Малаккский пролив в Ачех, и мы не можем запретить им, потому что в этих местах у нас нет своего флота». Хуже того, альтернативные пути — к югу от Суматры и на севере, через Зондский пролив (между Суматрой и Явой) — были совершенно недоступны для

португальцев.

* * *

В XVII веке португальцы постепенно лишались господства над торговлей пряностями, оно смещалось — по крайней мере временно — на восток. Стремление торговать неожиданно уступило место войне и расизму. Торговля между Китаем и Японией на несколько столетий прекратилась из-за японских пиратов и нападений на китайские береговые поселения. Династия Мин запретила всякие торговые отношения с «карликовой империей» — Японией. С рынка исчезло серебро с японских копей. Потеряв рынок, японские добытчики серебра сбросили цены, их доходы упали. Хотя в Японии производился шелк, торговцы предпочитали китайскую продукцию, которая, из-за эмбарго, ценилась в Японии очень высоко. Но если Китай и Япония не желали иметь дел друг с другом, то каждый из них старался иметь дело с Португалией.

И что это были за дела! Почти с самого 1511 года, когда Альбукерки завоевал Малакку, португальцы начали активно торговать с Китаем. Спустя десяток лет они попытались взять Кантон, но маленькие мелководные суда их отогнали. В 1557 году, в качестве опорной базы, был взят Макао, которым Португалия владела почти полтысячелетия.

Примерно в то же время, как португальцы утвердились в Макао, их купцы начали торговать с южно-японским островом Кюсю. Огромное количество японского серебра, вывезенное в гавань Макао на корабле Дуарте — сына Васко да Гамы, — поразило португальское торговое сообщество в Китае. Один из купцов писал:

Десять-двенадцать дней назад прибыл из Японии Великий Корабль. Он был так нагружен серебром, что теперь все другие португальские корабли в Китае стремятся в Японию. Они собираются перезимовать здесь, у китайских берегов, с тем чтобы отплыть в Японию в мае, когда начнется сезон муссонов, благоприятных для такого плавания.

В этом раунде торговли пряностями португальцы сорвали куш, и в 1571 году при помощи иезуитов они основали первую в Японии базу — в Нагасаки. Поначалу король жаловал капитанские лицензии на плавание из Индии в Японию и Макао только португальским чиновникам и офицерам за большие заслуги. Португалия быстро оценила потенциал японо-китайской торговли серебром и шелком и извлекла из нее максимальную выгоду для себя. Лицензии выдавались ограниченному количеству кораблей. (Сперва одному в год, затем постепенно к XVII веку это количество увеличилось до нескольких в год.) Стоила такая лицензия сотни тысяч крузату (а крузату примерно равен дукату, то есть около \$80 в современных деньгах). Зато корабль можно было по самый планширь набивать сырым и выделанным

шелком в Макао и серебром в Нагасаки. В обоих пунктах местные купцы ожидали «большой корабль», оба порта богатели на его рейсах. Прибыль от одной поездки туда и обратно оценивалась в 200 000 дукатов — больше половины того, что Португалия выплатила Испании за отказ от претензий на Острова Пряностей.

Поначалу там курсировали корабли размера обычного для торговых судов того времени — в основном, каракки вместимостью около пятисот тонн. Когда на смену XVI веку пришел век XVII, корабли превратились в монстров до 2000 тонн — самые крупные морские парусные суда эпохи. Португальские купцы, сопровождавшие товар, на самом деле завершали торговлю, внося предоплату капитан-майору, держателю лицензии. Один из первых голландцев, побывавших в Японии, описывает, что происходило, когда «большой корабль» приходил в Нагасаки:

На корабле из Макао находилось около двухсот купцов. Они разом сошли на берег, и каждый из них подыскивал дом, где он расположился со своими слугами и рабами. Они тратились, не стесняясь в расходах, и ничто не было для них слишком дорого. Иногда за семь или восемь месяцев, что они находились в Нагасаки, платили более 250 000 или 300 000 [унций серебра], и местные жители хорошо на этом наживались. Это одна из причин их дружелюбия.

Как и повсюду в Азии, португальцев погубило религиозное рвение. Сегунат Токугава, пришедший к власти сразу же, когда наладилась торговля с «большими кораблями», был очень недоволен нарастающим влиянием иезуитов, проникавшим на Кюсю из Нагасаки. После восстания японских христиан в Симабаре (1637—1638 гг.) сегунат выдворил миссионеров из страны. Когда из Макао прибыла португальская делегация с протестом, ее участникам поотрубили головы.

* * *

Если не считать «больших кораблей», португальцы так и не сумели взять под контроль морскую торговлю с Индиями. Их вынуждали защищаться, а иногда и нападать. Позже португальский рэкет назвали карташем — это плата, которая взималась с азиатских судов за проход. Корабли, не оплатившие карташ, захватывались, а бывало и того хуже.

Но Португалия не тратила сил даже на то, чтобы упорядочить систему карташей. Плата была ничтожной и служила лишь способом заставить азиатские суда заходить в португальские порты, где с них взимались таможенные сборы. К примеру, в 1540 году был захвачен гуджаратский корабль, потому что пункт его назначения, указанный в карташе, — Персидский залив — на совпадал с тем местом, где корабль застали — далеко в Индийском океане. Низкий уровень таможенных сборов (около 6%

от стоимости груза) тоже свидетельствовал о неспособности Португалии контролировать перевозки в Индийском океане. Скрепя сердце, азиатские торговцы платили карташ на маршруте Ормуз — Гуджарат — Малабар — Малакка, но вскоре они усвоили, что и это делать необязательно, если плыть из Адена прямо в Ачех. Этот путь, который проходил на одном дыхании муссона, лежал слишком далеко к югу, португальские патрули его не доставали.

Престол и угодная ему торговая элита наживали сказочные богатства на пряностях, шелке и серебре, а Португалия, по старой иберийской традиции, все более погрязала в придворной роскоши и военном авантюризме. Даже сегодня трудно представить то количество кораблей, которое одно из самых маленьких европейских королевств могло развернуть от Бразилии до Макао. Но требование Португалии, чтобы такие крупные малабарские товарные базы, как Каликут, которые даже не находились под португальским влиянием, изгнали всех мусульманских торговцев, — выходило за грань возможного.

Если бы Португалия бросила все силы на торговлю, вместо того чтобы растрачивать их на обеспечение уплаты карташа, военный флот, укрепление портов, она могла бы отправлять пряностей, шелков, тонкого хлопка, фарфора и жемчуга вокруг мыса Доброй Надежды достаточно, чтобы стать богатейшим государством Европы. Королевское семейство и торговая элита наживали сказочные богатства на пряностях, но страна была разорена военными расходами на поддержание торговой империи. Португалию называли «генуэзской Индией», она постоянно находилась в долгах, и в ней заправляли итальянские купцы, а немецкие банки под предводительством семейства Фуггеров стали главными кредиторами королевства.

Даже в XVI веке Португалия была обнищавшей страной земледельцев, в долг снаряжавшей экспедиции кораблями, матросами, серебром и товарами для обмена. Португальцы так нуждались в деньгах, что зачастую, когда их флот наконец добирался до Восточной Индии, им не хватало серебра и меновых товаров — все было потрачено на корабли и команду. Так, например, в 1523 году, за несколько десятилетий до того, как другие государства смогли соперничать с Португалией в Азии, на королевской базе в порту Тернате не нашлось денег, чтобы закупить груз гвоздики. И это при низких молуккских ценах! В результате, груз был куплен частным лицом, португальским купцом. Когда спустя 80 лет там появились голландцы с тюками тонких фламандских тканей и сундуками серебряных монет, местные торговцы перцем и пряностями переметнулись к ним. В Амстердаме, Мадриде и Лиссабоне заметили, что монеты из этих сундуков чеканились Испанией в Мехико и Лиме.

Конечно, солдат португальской торговой империи мог добиться чинов и власти, как Франсишку Серран, но путь этот был долог и труден, а результат непредсказуем. Многие талантливые люди, как Магеллан,

получили отказ, а, кроме того, высокие должности жаловали сроком всего на три года. Таким образом, отважный гордец, которому хватило удачи, чтобы получить этот пост (или денег, чтобы купить назначение), использовал недолгие отведенные ему 36 месяцев, выжимая как можно больше из местных торговцев, из своих солдат и из самой короны.

В 1512 году, когда Серран после кораблекрушения прибыл в Тернате, султан отнесся к нему почти как к божеству. Правитель предвидел, что «люди железа» издалека придут на помощь Тернате против соседних султанатов, особенно Тидоре. Десять лет спустя Тидоре пригласил людей Магеллана ровно с той же целью. Когда ушли испанцы, португальцы сожгли царский дворец Тидоре в наказание за сотрудничество с их иберийскими братьями.

В последующие десятилетия Португалия измучила острова Северного Молукку жестокими правителями, каждый из которых был хуже предыдущего. Один из них, Журже де Менесе, приказал солдатам грабить Тернате, когда не пришел корабль с продовольствием. А когда жители Тернате, защищаясь, убили одного из его людей, он взял в заложники местного чиновника, чтобы предотвратить дальнейшее сопротивление. Без всякого повода Менесе отрубил пленнику руки, привязал их за спиной и спустил на него собак. Несчастный как-то сумел броситься в воду и, с помощью только зубов, утопить собак, прежде чем захлебнулся сам.

Португальский миссионерский зуд не успокоился на этих островах, живших под властью мусульман-султанов. Все усерднее стремились португальцы обратить в христову веру местных жителей, которые с одинаковой подозрительностью относились и к церковным обрядам, и к жадным мусульманским правителям. К середине 1530-х годов португальцы добились невозможного. Тернате и Тидоре заключили союз и вместе с соседними царствами восстали против европейцев. Центральным персонажем этой драмы стал тернатский султан Хайрун. Сев на трон в 1546 году как португальская марионетка он в течение четверти века, по воле европейцев, наращивал влияние и даже провел несколько лет в Гоа, будучи невольным гостем торговой империи. Хотя поначалу Хайрун уважительно относился к христианству, против жестокости португальцев он решительно восстал. Это толкнуло его к исламу и обеспечило поддержку молуккских мусульман.

События развернулись в 1570 году, когда португальцы убили Хайруна. Трон унаследовал его сын Бабулла, который поклялся отомстить за смерть отца. Вскоре он стал лидером мусульман всех Молуккских островов и не только их. Восстание, которое он поднял, обрело все более мусульманский характер. Встревоженные иезуиты сообщали, что имамы из далеких Ачеха и Турции призывали правоверных архипелага искать небесной благодати на пути священного джихада. Туземцы оказались не менее жестокими, чем европейцы. Они вырезали младенцев из чрева христианских женщин, затем

тех и других рубили в куски. Мятеж вытеснил португальцев с большей части островов. В 1575 году войско Бабуллы взяло португальскую крепость и превратило ее в султанский дворец. К 1583 году, когда Бабулла умер, он правил большей частью Островов Пряностей, которые разбогатели за время его правления.

Легко провести очевидные параллели с современностью — с мусульманскими восстаниями против далекой христианской державы, пытающейся сохранить стратегические позиции. Но на Молукках в конце XVII века ситуация была более сложной. Самое удивительное, что туземцы радостно принимали других европейцев, как потенциальных союзников в борьбе против португальцев. Первым таким европейцем оказался Фрэнсис Дрейк, который в 1579 году во время кругосветного плавания совещался с Бабуллой. Дрейк привел подробное описание этого огромного царства. Из описания явственно следует, что султан, с его любовью к роскоши, а также сотней жен и наложниц, был не слишком ревностным мусульманином. Через 20 лет прибыли первые экспедиции из Голландии, и Бабулла, и его наследники принимали их как противников ненавистных португальцев. Увы, вскоре выяснилось, что голландцы еще более жестоки.

Португальцы эксплуатировали не только азиатов, но и своих сограждан. Столь ничтожной считалась жизнь простого солдата, что, прибыв в Индию, многие вскоре покидали строй и бежали в монастыри. Часто португальские рекруты не имели крыши над головой, и во время сезона дождей они, раздетые, попрошайничали у обочин дорог. Палатки тысяч, умерших от тропических болезней и дурного питания в Королевском госпитале в Гоа, доставались уцелевшим счастливым.

Наконец, судьбу португальской торговой империи решили события в Европе. В начале XVII века разгорелась война за деньги и власть между тремя странами — Португалией, Испанией и Нидерландами. Их недавно обретенное при помощи сезонных ветров господство над миром окончательно замкнуло торговые пути в круг.